

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-130-157>

<https://elibrary.ru/QZIPB>

© 2025. Людмила Сараскина

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

**«Сто лет как-то странно действуют до сих пор
на человека...»
*Сокровенная цель одного путешествия***

© 2025. Liudmila I. Saraskina

State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

**“A Hundred Years Still Have a Strange Effect
on a Person...”
*The Hidden Purpose of a Journey***

Информация об авторе: Людмила Ивановна Сараскина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, 125009 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4844-4930>

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рассказу Ф.М. Достоевского «Столетняя» («Дневник писателя» за 1876 год), основанному на реальном впечатлении «одной дамы» (А.Г. Достоевской) от встречи на улице Санкт-Петербурга с очень старой, сточетырехлетней бабушкой, которая отправилась навестить своих внуков и правнуков. Первая часть рассказа (реальная) дополняется второй частью – воображаемыми сценами общения старушки со своими родственниками: писатель попытался представить, как мог закончиться визит старушки к родным.

Анализируется художнический интерес Достоевского к возрасту персонажей и феномену долголетия. Выдвигается предположение, что Достоевский заинтересовался судьбой старушки и написал финал ее истории, вдохновившись статьей «О современном человеке» (1860), в которой ее автор, К.С. Аксаков, сочувственно размышляет о русском человеке из простонародья и призывает научиться видеть красоту его образа.

Особое внимание уделено процессу создания образа «Столетней» по записям в рабочих тетрадях к «Дневнику писателя» за 1876 год. Сюжет «Старушка» рассматривается в окружении ключевых для писателя тем, таких как «Богатырь Илья Муромец», «Православие», «Война» и др.; очевидно, что данный сюжет выходит далеко за рамки «легкой картинки». Запись «Старушка», повторенная в рабочих тетрадях в течение одной недели *восемь раз* на фоне и в соседстве с русскими былинами, даёт понять, что «столетняя» виделась писателю совсем не как бытовой образ. Достоевского занимала интереснейшая творческая задача — поместить самые серьезные вопросы под крышу «прехорошенькой картинки» — и тем увлечь взыскательного читателя.

Достоевский дает «своей старушке» значимое имя (Марья Максимовна — Мария, достигшая максимального возраста) и рисует ее семейство с большой симпатией — как добропорядочных простых людей, живущих слаженно и размеренно, ответственно сохраняющих благородные семейные традиции и мирный домашний уклад. Финал рассказа обнажает истинную цель изнурительного похода старушки к внукам и правнукам: трезво оценив свой физический ресурс, она решает вконец истощить свои силы, чтобы окончить жизнь в окружении родных людей.

Ключевые слова: Достоевский, «Дневник писателя», «Столетняя», долгожители, К.С. Аксаков, простонародье, рабочие тетради, семейный уклад, истинная цель.

Для цитирования: Сараскина Л.И. «Сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека...» *Сокровенная цель одного путешествия* // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 130–157. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-130-157>

Information about the author: Liudmila I. Saraskina, DSc in Philology, Leading Researcher, State Institute for Art Studies, Kozitskii Lane, 5, 125009 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4844-4930>

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Abstract: The paper analyzes Fyodor Dostoevsky's story "A Hundred-Years-Old Woman" (*A Writer's Diary*, 1876), based on the real impressions of "a certain lady" (Anna Dostoevskaya) who had met, in a street of Saint-Petersburg, a very old, hundred-and-four-years-old, woman; that woman was hobbling along the streets of the city in order to visit her grandchildren and great-grandchildren. The first part of the story (based on what "a certain lady" had seen and heard) is supplemented by the second part, which presents imagined scenes of the old woman's meeting with her relatives. The writer tries to imagine the outcome of her visit to them. Dostoevsky, as a writer and an artist, took a keen interest in the age of his characters and in the phenomenon of longevity. In this paper, it is suggested that Dostoevsky became interested in the character of the very old woman and imagined the finale of her story, because he was inspired by the article of K.S. Aksakov "About the Contemporary Man" (1860), in which the author reflects with sympathy on the Russian common people and calls on readers to see their beauty.

Special attention is paid to the process of creating the character of the “Hundred-Years-Old Woman.” This process has been reflected in the notes in the workbooks for *A Writer’s Diary* of 1876. The topic of the “Old Woman” is situated among such key topics as “The Hero Ilya Muromets,” “Orthodoxy,” “War,” and others. It is evident that the topic of the “Old Woman” was not just a trifle for the writer. The note “An Old Woman” was repeated in the workbooks eight times for one week, close to the notes about Russian *bylinas*. This shows that the topic was, for the writer, not just a matter of everyday life. Dostoevsky was captivated by an ambitious task: to place the most serious problems “under the roof” of “a very pretty picture” — and so capture the discerning reader.

Dostoevsky gave his “old woman” a meaningful name (Marya Maximovna, that is, Maria who has reached the maximum age) and portrayed her kinsfolk with great sympathy: as decent common people who lived in a harmonious and orderly way, preserving noble family traditions and a peaceful household. The finale of the story discloses the real purpose of the old woman’s tiring journey to the place of her grandchildren and great-grandchildren: having soberly assessed her physical resources, she resolves to exhaust completely her vital forces in order to end her life surrounded by her kith and kin.

Keywords: Dostoevsky, *A Writer’s Diary*, “A Hundred-Years-Old Woman,” longevity, K.S. Aksakov, common people, workbooks, household life, purpose.

For citation: Saraskina, L.I. “‘A Hundred Years Still Have a Strange Effect on a Person...’ The Hidden Purpose of a Journey.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (31), 2025, pp. 130–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-130-157>

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединою не гремят
Безумства резвые гремушки.

[Пушкин, 1936, т. 1, с. 345]

Рассказ Ф.М. Достоевского «Столетняя», если сравнить его с другими художественными произведениями из «Дневника писателя» за 1876 год, такими, как «Мальчик у Христа на ёлке», «Мужик Марей» или «Кроткая», может показаться не только совсем крохотным по объему (четверть авторского листа), но и малосущественным по содержанию: «легкая и бессюжетная картинка» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 79], как из творческого самоумаления аттестовал ее сам автор.

Стоит, однако, взглянуть на эту «легкую» картинку повнимательнее — и мы увидим за кажущейся бессюжетностью нечто большое и серьезное.

Сведения об истории создания «Столетней» стали известны широкому читателю из «Семинария по Достоевскому» (1922) Л.П. Гроссмана. «Подготовив к изданию в 1906 году, к 25-летней годовщине смерти Достоевского, Полное собрание его сочинений, — отмечал составитель Семинария, — А.Г. Достоевская не снабжала его какими-либо примечаниями или справками. Но на одном из экземпляров этого издания она сделала на полях книг ряд заметок, представляющий высокий комментаторский интерес» [Гроссман, 1922, с. 54].

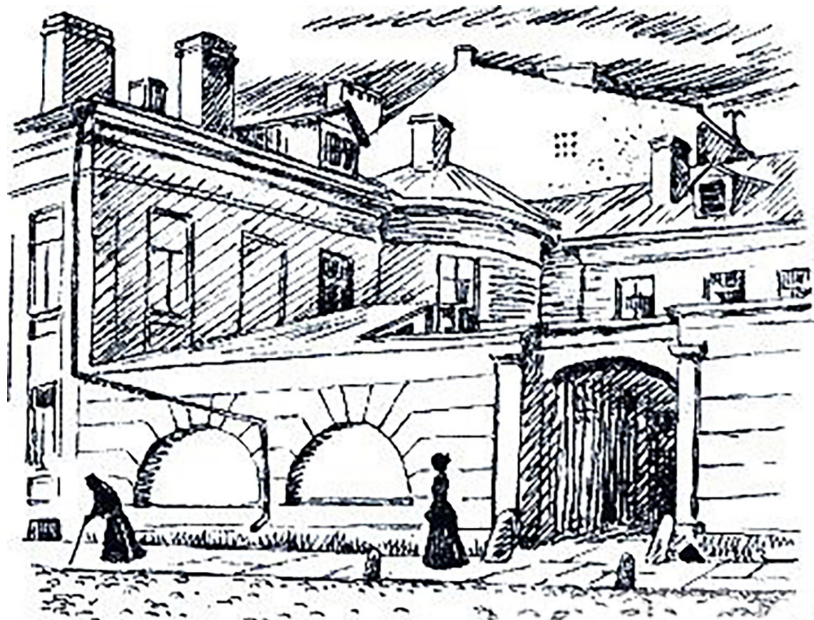
Действительно, в 1904 году вдова Достоевского оставила несколько коротких заметок, в том числе и на полях «Дневника писателя» за 1876 год. «Рассказ “Столетняя”, — поясняла Анна Григорьевна, — основан на действительном случае, со мной происшедшем. Вернувшись из типографии, я рассказала Федору Михайловичу мою встречу со старушкой, а Федор Михайлович написал на эту тему рассказ» [Гроссман, 1922, с. 64].

I

Итак, это А.Г. Достоевская была той самой «одной дамой», о которой идет речь в начале рассказа. Это она, жена писателя Достоевского, вернулась из типографской конторы князя В.В. Оболенского¹ на Николаевской улице, дом № 8, где печатался «Дневник писателя». Это она повстречала старенькую бабушку, «согнутую, с палочкой» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 75], присевшую у ворот конторы, на дворницкой скамеечке. Сразу угадать, сколько старушке лет, у А.Г. не получилось. Через десять минут А.Г. вышла из конторы, прошла два дома, и у магазина (откуда нужно было забрать детские ботинки, заказанные для дочери²), вновь увидела ту старушку, которая примостилась на скамейке у ворот. Через минуты три-четыре, уже на Невском проспекте, старушка приютилась у третьего дома, на выступе, ибо скамейки при доме не было.

¹ Меценат и издатель князь Владимир Владимирович Оболенский (1841–1903), представитель русского княжеского рода Оболенских, в 1872 году организовал в Санкт-Петербурге, на углу Николаевской улицы (ныне улица Марата) и Невского проспекта, собственную типографию. С начала 1875 года в ней печатался журнал В.П. Мещерского «Гражданин», а в 1876–1877 годы — «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского.

² В рассказе упомянуто имя дочери «одной дамы» — Соня. Так супруги Достоевские назвали своего первого ребенка (Соня умерла младенцем). На самом деле ботинки предназначались для Любы, второй дочери.

Илл. 1. Иллюстрация Я. Турлыгина к рассказу Ф.М. Достоевского «Столетняя»

Fig. 1. Illustration by Y. Turglygin for Dostoevsky's story "A Hundred-Year-Old Woman"

Тут А.Г. решила спросить — почему старушка садится отдыхать чуть ли не у каждого дома? Оказалось — идет к «внучкам (или к внучкам. — Л.С.) пообедать», а отдыхает каждые 5–10 минут, потому что устает, потому что ей «сто четыре годика, *только всего*» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 76].

Надо отдать должное женскому любопытству, проявленному с большим тактом, и наблюдательности А.Г., со слов которой автор рассказа опишет старушку: «Маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно быть из мещанства, с палочкой, лицо бледное, желтое, к костям присохшее, губы бесцветные, — мумия какая-то, а сидит — улыбается, солнышко прямо на нее светит». И еще: «Глаза тусклые, почти мертвые, а как будто луч какой-то из них светит теплый». Старушка приняла от А.Г. «пяточок на булочку», и А.Г. заметила: «Видно, что не просит, не доведена до того, но взяла она <...> так хорошо, совсем не как милостыню, а так, как будто из вежливости или из доброты своего сердца» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 76].

Илл. 2. Иллюстрация Г. Мазурина к рассказу Ф.М. Достоевского «Столетняя»
(фото предоставлено Литературно-мемориальным музеем Ф.М. Достоевского,
г. Санкт-Петербург)

Fig. 2. Illustration by G. Mazurin for Dostoevsky's story "A Hundred-Year-Old Woman"

А.Г. не хотела показаться навязчивой и не спросила у старушки, где и с кем та живет, есть ли у нее родные, может быть, помощники, далеко ли ей идти и дойдет ли она сама до родственников. Ведь никто не взялся ее проводить, не нанял, допустим, извозчика. Меж тем старушка как-то невзначай проговорила, зачем вообще она пустилась в долгое путешествие вдоль Невского проспекта, с вынужденными передышками у каждого второго дома, преодолевая неимоверную усталость, когда не хватает дыхания, когда каждый шаг дается с превеликим трудом, подгибаются вконец ослабевшие ноги и почти не помогает палочка: «Думаю: тепло, солнышко светит, дай пойду к внукам пообедать. <...>

— Да ты этак не дойдешь.

— Нет, дойду, вот пройду сколь и отдохну, а там опять встану да пойду» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 76].

Ради чего старушка захотела вдруг во что бы то ни стало дойти до внуков (или до внучек)? Неужели ради обеда? Звали ли ее на обед? Ждут ли ее? Да и что за внуки там живут? «И куда это она ходит обедать? — подумала “дама”, прощаясь с бабушкой. — Странная такая старушка» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77].

Илл. 3. Иллюстрация Я. Турлыгина к рассказу Ф.М. Достоевского «Столетняя»

Fig. 3. Illustration by Y. Turglygin for Dostoevsky's story "A Hundred-Year-Old Woman"

Рассказ из мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год о старенькой бабушке, которая надумала идти к своим родственникам, чтобы «пообедать», и упрямо идет-бредет по Невскому проспекту, отчетливо делится на две части: первая — услышанное автором от жены (очевидца) и вторая — вскоре им самим дорисованное.

Первая часть — впечатление «одной дамы» (А.Г. Достоевской) от случайной уличной встречи в центре Санкт-Петербурга со «странной такой старушкой». Событие происходит в мартовский полдень, когда после зябкой и промозглой петербургской зимы солнце светит людям в радость, просыпается природа, и всякий человек хочет жизни.

Вторая часть — развитие сюжета о сточетырехлетней бабушке, подсказанное воображением писателя, которое заиграло, засверкало, вдохновленное редким типажом. Включилось воображение, и писатель «мигом дорисовал себе продолжение о том, как она дошла к своим пообедать» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77].

Зачем нужно было автору «Дневника писателя», на фоне десятка сложнейших политических, нравственных, общественно значимых тем, «дорисовывать» приключения древней старушки?

Он объяснит это сам: «сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 79]. То есть, всякому человеку, в том числе, конечно, и ему, Достоевскому, с его богатейшим воображением, свойственно проявлять интерес к долгожительству и долголетию.

Согласно нынешним общепринятым определениям, долгожителями считаются люди, достигшие девяноста лет и старше. Людей, доживших до ста десяти лет, именуют супердолгожителями. Верифицированным (проверенным, подтвержденным) называется тот долгожитель, кто может подтвердить свою дату рождения подлинными документами: метрическим свидетельством о рождении, записями в церковных книгах или брачных конторах. Есть и косвенные подтверждения — например, сообщения о рождении ребенка у конкретных родителей в частных письмах их знакомых и родственников, если письма подлинны, атрибутированы и датированы.

Имена долгожителей, особенно тех, которым сто или больше лет, страна их проживания обычно знает; о них охотно сообщает и местная, и центральная печать, они попадают в разные книги рекордов. Общество совсем не празднует интересуется образом жизни долгожителей, их семейным статусом, бытовым и социальным по-

ведением. О долгожителях журналисты готовят новостные сюжеты, составляют фото-досье — и за всем этим, быть может, поверхностным и праздным интересом, стоит всем понятный вопрос: как удалось человеку столь почтенного возраста, особенно, если он находится в здравом уме и твердой памяти, прожить столько лет?

Интернет полон материалов с «возрастной» проблематикой на темы: когда начинается старость? какой возраст считается «старым» в разных странах мира? какой возраст молодежь той или иной страны считает старым? В каждой стране есть статистика средней продолжительности жизни. «Всемирный экономический форум» недавно определил старость очень оригинально. <...> Она начинается не в возрасте 60 лет, а когда людям остается жить в среднем еще 15 лет. А кто из нас знает, сколько нам остается жить?» [Женщина после 50, 2024].

Еще более остро стоит вопрос о персонажах-долгожителях: попадают ли они в художественную прозу, кинематограф, театр. Ответ скорее будет отрицательным, долгожители весьма редко становятся персонажами романов, киносериалов, театральных спектаклей. Искусство как будто избегает выводить их на сцену, ставить перед камерой или в центр художественных повествований. «Старость не имеет позитивных характеристик, — пишет современный исследователь. — Реалистически противоречивый и многогранный в пору жизненного “расцвета”, характер приобретает классицистическую одномерность: все его свойства определяются старостью» [Николаев, 2020, с. 212]³.

Разве что Библейские истории знакомят нас с долгожителями: как сообщает первая книга Ветхого Завета «Бытие», семеро мужчин, родившихся до потопа, прожили более 900 лет. Мафусаил прожил 969 лет, в 187 лет родил Ламеха; Иаред прожил 962 года, в 162 года родил Еноха; Ной прожил 950 лет, в 500 лет родил Сима, Хама, Иафета; Адам прожил 930 лет, в 130 лет родил Сифа; Сиф прожил 912 лет, в 105 лет родил Еноса; Енос прожил 905 лет, в 90 лет родил Каинана; Каинан прожил 910 лет, в 70 лет родил Малелеила.

Мафусаил — главный долгожитель Библии. Средняя продолжительность жизни библейских патриархов девяти допотопных

³ Прочитанная книга посвящена проблемам старости и старения в художественной литературе, в том числе и различным моделям старости. Благодарю Н.Н. Подосокорского за указание на этот важный источник.

поколений, как подсчитали библеисты, составляет 912 лет. Впрочем, часто пишут об ошибке перевода, мол, древний переводчик поставил вместо слов «лунный месяц» слово «год», и если это так, тогда библейским патриархам было всего только едва за восемьдесят.

Когда Всемирный потоп иссяк, сообщают библейские источники, продолжительность жизни стала постепенно уменьшаться, и виной тому, по одной из версий, стало мясоедение: на животной пище продолжительность жизни резко сократилась. По другой версии, человек выпал из программы долголетия из-за совершения грехов: «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт. 6:3).

Современная наука отмечает, что, судя по достоверной статистике, 120 лет — действительно тот предел продолжительности жизни, которого может достичь нынешний человек. Но и этот предел в современном мире мало для кого достигим. Как говорится в Псалме Давида: «Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89:10)⁴.

III

Художественная литература, как отечественная, так и мировая — если это не мифы, не легенды, не сказки, не литературная фантастика — 120-летних, 110-летних и даже 100-летних персонажей не изображает. В.В. Набоков с большой долей издевки писал об американских издательских нравах времен его романа «Лолита»: было «целых три неприемлемых для издателя темы. Две других — это черно-белый брак, преисполненный безоблачного счастья, с кучей детей и внуков; и судьба абсолютного атеиста, который, после счастливой и полезной жизни умирает во сне в возрасте ста шести лет» [Набоков, 1997, с. 85].

В художественной литературной классике фиксируется солидарный типовой подход к теме молодости и старости героев. Современного человека этот подход немало шокирует: «отцы» молодых

⁴ При обсуждении моего доклада о рассказе Ф.М. Достоевского «Столетняя» на VI Международной научной онлайн-конференции «Достоевский: малые формы» (3–5 марта 2025) ссылку на Псалтирь подсказал Н.Н. Подосокорский.

героев как правило записываются в старики, «матери» — в старухи. Приведем несколько примеров.

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»:

А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка (глава III, строфа IV);

«Как быть? Татьяна не дитя», —
Старушка молвила, кряхтя (глава VII, строфа XXV);

Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились (глава VII, строфа XXXIX. XL)
[Пушкин, 1936, т. 3. с. 315, 403, 409].

«А между тем, если провести небольшой анализ, — размышляет современный читатель, — выясняется, что Лариной максимум могло быть 38 лет, но скорее всего 35. Поскольку в тексте отсутствуют упоминания о наличии у нее детей, умерших в младенчестве, можно предположить, что 17–18-ти летняя Татьяна была ее первенцем. Прибавив к возрасту старшей дочери вероятный возраст выхода замуж маменьки, пусть с превеликой натяжкой это будет 20 лет, получается, что старушке Лариной было всего-навсего 38 лет» [Кириллица, 2019].

Так же обстоит дело и с другими «возрастными» персонажами пушкинского романа: *важный генерал*, за которого вышла замуж Татьяна Ларина, — это отнюдь не *старый генерал* — ему не больше 35-ти лет.

Незаслуженно, на сегодняшний взгляд, названа старухой мать Наташи Ростовой, Наталья Ростова (урожденная Шиншина).

«Однажды вечером, когда старая графиня, вздыхая и крехтя, в ночном чепце и кофточке, без накладных буклей, и с одним бедным пучком волос, выступавшим из-под белого, коленкорового чепчика, клала на коврик земные поклоны вечерней молитвы, ее дверь скрипнула, и в туфлях на босу ногу, тоже в кофточке и в папильотках, вбежала Наташа» [Толстой, 1928–1958, т. 10, с. 191].

«— Так, так, — повторила графиня и, трясая всем своим телом, засмеялась добрым, неожиданным старушечьим смехом» [Толстой, 1928–1958, т. 10, с. 194].

А ведь графиня Наталья была «женщина с восточным типом худого лица, лет сорока пяти, видимо изнуренная детьми, которых у ней было двенадцать человек» [Толстой, 1928–1958, т. 9, с. 43].

Молодой возраст персонажей романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», где Анне 26–28 лет, а Вронскому 23–25 лет, вряд ли может быть противопоставлен годам Алексея Александровича Каренина, которому всего 44 года (в конце романа 46 лет). В повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» *старухой* названа сорокалетняя мать Остапа и Андрия. В романе А.М. Горького «Мать» *пожилой старухой* названа 40-летняя Ниловна.

Центральные персонажи художественных произведений Достоевского — и мужчины, и женщины — замечательно молоды. Родиону Раскольникову 23 года, Льву Мышкину 26–27 лет, Аркадию Долгорукому 20 лет, Алеше Карамазову 20 лет, Ивану Карамазову 23 года, Дмитрию Карамазову 28 лет, Павлу Смердякову 24 года, Петру Верховенскому 26–27 лет, столько же Ивану Шатову и Алексею Кириллову. Ставрогину около 30 лет, Маврикий Николаевич — «капитан лет тридцати трех» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 88], капитан Лебядкин «лет сорока» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 136]. Макару Девушкину 47 лет, и он чувствует себя стариком: «Было время, когда и мы светло видели, маточка. Не радость старость» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 13].

Соне Мармеладовой едва 18, трем сестрам Епанчиным — 25, 23 и 20 лет, Лизе Тушиной 22 года, Настасье Филипповне Барашковой 25 лет, Грушеньке Светловой 22 года, Зине Москалевой 23 года, Марье Тимофеевне Лебядкиной около 30 лет.

Поколение «отцов» — это мужчины *до* или *после* пятидесяти: Версиллову около 45 лет, Степану Трофимовичу Верховенскому 53 года, Федору Павловичу Карамазову 55 лет, генералу Епанчину 56 лет, Афанасию Тоцкому 55 лет. Старцу Тихону 55 лет, старцу Зосиме 65 лет, Макару Ивановичу Долгорукому около 70 лет. «Семьдесят лет, подумайте» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 339], — говорит Мозгляков о своем крестном, купце Бородуеве. Князь К., герой повести «Дядюшкин сон», «мертвец на пружинах» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 310], «был еще не дай Бог какой старик» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 300], то есть не такой уж и старый, не

старше лет 60-ти. Монаху Ферапонту 75 лет, и он, кажется, самый возрастной герой Достоевского⁵.

Поколение «матерей» много моложе: Пульхерии Александровне Раскольниковой, матери Родиона Романовича, 43 года, Катерине Ивановне Мармеладовой около тридцати лет, Варваре Петровне Ставрогиной 50 лет, Лизавете Прокофьевне Епанчиной, урожденной княжне Мышкиной, ровеснице мужа, 56 лет. Рассказчик в «Бесах» называет мать Лизы Тушиной старухой, но Прасковья Ивановна не старше пятидесятилетней Варвары Петровны Ставрогиной. И лишь Алена Ивановна, процентщица, описана как «крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти» [Достоевский, 1972–1990, т. 6. с. 8], и это самая возрастная героиня Достоевского.

Очевиден факт: характеристика персонажей художественных произведений с указанием их возраста была для Достоевского не только важной, но и практически обязательной. Трудно не заметить и другое: наше время отношение к старости серьезно изменило — «старость» резко «постарела».

IV

Персонажей из категории долгожителей и супердолгожителей в произведениях Достоевского нет — этот возраст писателем художественно не освоен. Тем важнее увидеть, что он смог и что захотел «дорисовать» в образе «странной старушки».

Эмоциональное впечатление Анны Григорьевны Достоевской от уличной встречи с древней старушкой, переданное мужу-писателю, глубоко его затронуло. «В самом деле, когда встретишь столетнюю, да еще такую полную душевной жизни?» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77] — риторически восклицает Ф.М. Поразительно, как точно почувствовал, как угадал он *полноту душевной жизни* бабушки, хотя физическое существование этой путешественницы по улицам и проспектам Санкт-Петербурга было на последнем пределе.

⁵ Рецензент статьи возразил, что самый возрастной мужской персонаж романа «Братья Карамазовы» — это не 75-летний монах Ферапонт, а «девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 227], то есть кардинал-инквизитор из поэмы «Великий инквизитор». Стоит, однако, подчеркнуть, что старец инквизитор — герой условного автора поэмы, Ивана Карамазова, и только опосредованно — персонаж Достоевского.

Маленькая старушка была чисто, опрятно, хотя и бедно одета; ветхое ее платье много раз стирано и чищено. По одежде старушки А.Г. определила, что та, «должно быть из мещанства» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 76], то есть не из крестьян и не из обедневших дворян, а из городского простонародья — по социальной лестнице ниже купцов и разночинцев.

Илл. 4. Иллюстрация Я. Турлыгина к рассказу Ф.М. Достоевского «Столетняя»
(место хранения: Государственный музей истории российской литературы
имени В.И. Даля)

Fig. 4. Illustration by Y. Turglygin for Dostoevsky's story "A Hundred-Year-Old Woman"

Старушка родилась, по-видимому, в 1772 году, в десятую годовщину царствования Екатерины II и накануне пугачевского бунта; жила при Павле I, Александре I, Николае I и доживает свой век в эпоху Александра II. Она много повидала на своем жизненном пути, о многом могла бы рассказать, если бы ее спросили. Скорее всего, она давно овдовела; наверное, была замужем за ремесленником или мелким торговцем, живет одна на мизерный пенсioen, и до сих пор могла обиходить себя и свой скромный быт.

Женщины элегантного возраста, по обыкновению, не любят называть свой возраст, цифры в паспорте портят им настроение. Но, достигнув девяностолетия, те же самые женщины уже не скрывают своих лет, наоборот, гордятся, что дожили до столь преклонных годов, особенно, если возраст дожития не лишил долгожительницу памяти, разума, чувства прекрасного, способности радоваться простым вещам, таким, как солнечный день, приветливость и любезность случайно встреченного человека.

Столетняя бабушка как раз из таких: она с достоинством говорит о своих ста четырех годах и даже шутит над этой огромной, непостижимой цифрой: «только всего». «Полнота душевной жизни» сквозит в ее способности лучезарно улыбаться и даже радостно смеяться, и смех ее отдает добротой и лаской. Она довольна, что случилась встреча с милой, заботливой барынькой (так она ее назовет), которая заговорила с ней, расспросила про усталость и длинную дорогу. Видимо, нечасто с ней заговаривают на улице такие дамы.

Старушка и сама не утратила интерес к другому человеку — ей действительно интересно, куда это идет молодая женщина и что такое она купила в магазине. Старушка смотрит на маленькие ботиночки и понимает — обувка для *маленькой* девочки. «А другие детки есть?» — спрашивает она с готовностью продолжить знакомство и разговор. Какое ей дело до детей незнакомой женщины? Но старушка знает, что такие вопросы радуют любую мать, и это «развязывает языки».

И еще: у древней старушки нет и следа потери памяти: она знает, куда и зачем идет, помнит адрес своих внушек (или внучков) и дорогу к ним, хорошо ориентируется в большом городе, не просит помочь ей найти адрес. Она уверена, что обязательно дойдет до места и повторяет заветное: «дойду, вот пройду сколь и отдохну, а там опять встану да пойду» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 76].

Эта фраза похожа на заклинание. Она и была заклинанием.

В руках у бабушки нет ничего, кроме палочки, никакой сумочки или узелка, она идет к внукам без гостинцев.

Тут снова следует подчеркнуть внимательность и отзывчивость дамы: она видит следы бедности, которая еще не стала нищетой, той крайностью, что вынуждает просить подаяние, стоять с протянутой рукой. «Видно, что не просит, не доведена до этого» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 76].

Но, может быть, нищета уже на пороге?

Старушка принимает пятак от незнакомой дамы не как милостыню, а как подарок, от доброго сердца — доброму сердцу, а может быть, «как будто из вежливости». Что можно купить на пятак? А.Г. подсказывает: пятак на булочку.

Действительно, по расценкам столичных булочных середины семидесятых годов XIX века пять копеек стоила свежая французская булка, круглая или овальная, с хрустящим гребешком по центру. Эта же булка, но не сегодняшняя, а вчерашняя, стоила уже 3 копейки.

На 5 копеек можно было купить пол-литровую бутылку молока, полфунта сыру или полфунта колбасы. Далеко ходить было не нужно, подобная снедь выставлялась прямо у открытых дверей магазинов и во множестве лавочек со съестным товаром.

Бабушка могла зайти в дешевый трактир — 10 коп. стоила тарелка супа с кусочком хлеба, и можно было попросить полпорции — никогда не отказывали. Она могла бы зайти в закусочную, на вывеске которой значилось: «Чай и кушанье». Здесь имелась стойка, на которой приказчики раскладывали вареные яйца, соленые огурцы, ветчину, вареную говядину, жареную печенку или жареную ряпушку. На стойке можно было получить холодную закуску, а горячие кушанья — щи, горох (гороховый суп с копченостями), лапшу или уху — подавали на столы: порция стоила четыре копейки, полпорции — две копейки [Бахтиаров, 2023].

Подарив бабушке пятак, пожелав ей дойти до места, сердобольная дама попрощалась и ушла по своим делам. Оглянувшись, она увидела, как старушка медленно, с трудом поднялась, «стукнула палочкой и поплелась по улице» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77].

«Может, еще раз десять отдохнет дорогой, пока дойдет к своим “пообедать”. И куда это она ходит обедать?» — подумала дама, ведь старушка уже сказала ей, что «ходит к внукам». Примечательно, как настойчиво, будто некий наказ, произносит старушка эти «дойду», «пойду», «пройду» — восемь раз за две или три минуты общения с милой дамой.

Но ни дама, ни читатели уже не узнают достоверно, дошла ли старушка до места, увидела ли своих внуков. Дама, то есть Анна Григорьевна Достоевская, вернувшись домой, рассказала своему мужу, автору «Дневника писателя», о случайной встрече на улице. Что со старушкой случилось дальше, потратила ли она подаренный ей пятак, купила ли булочку или зашла в закусочную, чтобы поесть

горячего супа, а подкрепившись, решила не ходить к родственникам и вернуться обратно, мы никогда не узнаем.

Всё, что могло произойти с ней дальше, читателю станет известно из досочиненного рассказа писателя. Достоевский совсем было позабыл о старушке, но «уже поздно ночью, *прочтя одну статью в журнале и отложив журнал*, вдруг вспомнил про эту старушку и почему-то мигом дорисовал себе продолжение о том, как она дошла к своим пообедать» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77] (курсив мой. — Л.С.).

Должно быть, не случайно Достоевский упомянул некую статью и некий журнал, которые натолкнули его на мысль о старушке, заставили вспомнить впечатление жены и «мигом» дорисовать продолжение сюжета.

V

В февральском номере «Дневника писателя» Достоевский сообщает, что именно он прочел «только что»: «я только что прочел в “Братской помощи” (сборник, изданный Славянским комитетом в пользу дерущихся за свою свободу славян), — в статье незабвенного и дорогого всем русским покойного Константина Аксакова⁶, что русский народ — давно уже просвещен и “образован”. Что же? <...> В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 42–43].

Быть может, прочитав статью К.С. Аксакова, Достоевский обратил особое внимание в том числе и на значение трапезы, как ее понимал автор: «Трапеза (разумеется, не еда, а общественное вкушение пищи) есть уже это общение; трапеза есть жизнь сама, жизнь общественная; в трапезе нет уже вопроса о нравственной разнице между людьми; здесь они делят насущный хлеб, живут вместе. И всегда трапеза имела общественное значение, но трапеза христианская, сопровождаемая молитвою, получила еще высший смысл:

⁶ Речь идет о статье К.С. Аксакова «О современном человеке» [Аксаков, 1860].

трапезу делить, или, говоря русским выражением, хлеб-соль водить, нельзя с язычниками или отступниками» [Аксаков, 1860].

Тут Достоевский, быть может, и вспомнил: старушка из последних сил шла к «своим» — «пообедать». Стало быть, действительно, она, с трудом преодолевая расстояние, шла, чтобы не столько утолить голод, сколько побыть среди близких и родных людей — тех, кто у нее остался. В том же мартовском номере «Дневника писателя» за 1876 год, вслед за «Столетней», публикуется подглавка III «Обособленные» — продолжение рефлексии по поводу аксаковских размышлений о человеке.

VI

Сосредоточившись на сюжете о старушке, Достоевский принял-ся дорисовывать продолжение.

Первые записи, относящиеся к рассказу, были сделаны в рабочих тетрадах к «Дневнику писателя» 9 марта 1876 года. «Встреча с 104-летней старушкой». И помета в скобках: «Оставь на погляденьице» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 157].

Выражение, заимствованное из былины «Илья Муромец, черниговцы и Соловей разбойник»⁷, по-видимому, ассоциировалось с темами, которые разрабатывались для мартовского выпуска «Дневника писателя». Здесь же была и запись: «Война иногда лучше мира: вернуть встречу Ильи со каликою Иванищем» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 157]. Былина пятнадцатая, под названием «Илья Муромец и Идолище» из «Книги былин», содержала сюжет встречи в чистом поле богатыря Ильи Муромца с каликою перехожим могучим Иванищем. Станным показался богатырю тот Иванище:

Не идет каличище — шатается,
Костылем-клюкою подпирается,
Под каликой мать-земля да подгибается.
Волосом бела калика, бородой седа,
Гуня⁸ на каличище во тридцать пуд,
Шляпа на каличище во девять пуд,

⁷ Дети плененного Ильей Муромцем Соловья-разбойника просят богатыря: «Только нам оставь кормильца-батюшку. / Хотя не ради прокормленьица, / Хотя бы ради погляденьица» [Книга былин, 1893, с. 93].

⁸ Гуня — головной платок, покрывало.

А клюка горбатая в косу сажень,
Весом-то сама во сорок пуд [Книга былин, 1893, с. 127].

Илья Муромец узнаёт, что могучий Иванище идет из стольного града Киева в град Иерусалим ко гробу Господнему приложиться, Господу Богу помолиться, в реке Иордани искупаться. А в оставленном им родном Киеве беда: Идолище поганое захватил власть и бесчинствует в княжеских палатах белокаменных, у князя Владимира, чьи богатыри, испугавшись разбойника, разбежались. Трудно было такое стерпеть, и Муромец, поменявшись одеждой с Иванищем, под видом калики перехожим приходит в Киев сразиться с Идолищем; победив же его в честном сражении, внушает Иванищу — никогда не оставлять своего города, «выручать крещеных от поганых» [Книга былин, 1893, с. 134]⁹.

Сюжет встречи со старушкой не покидает Достоевского. «Старушка, 104 года» — снова записывает он в рабочей тетради: и снова в перечне десятка тем есть «Илюша и Иванище» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 158].

«Старушка» промелькнет еще и в записи от 15 марта 1876-го в перечне прочитанного и передуманного: «Правда отношений, где критериум: была вера. Затем разные гуманные чувства — все из веры вышли. Затем неправда — правдой. <...> Старушка». И еще раз «Старушка» — в перечне «проклятых вопросов» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 167].

«Старушка» не выходит у писателя из головы всю первую половину марта 1876 года; он продолжает думать о ней как о своей новой героине, понимая всю сложность творческой задачи: «*Старушка*. Если этот факт рассказать художественно, то есть вдохновился бы им великий художник, то могла бы выйти прехорошенькая картинка, с мыслию, с умением и даже с “проклятыми вопросами”, но под обаянием картинки вы не побоитесь проклятого вопроса». Рядом — запись: «*Калика Иванище* судит о Христе, о нелепости того, что Он заплакал, воскрешая Лазаря» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 168].

Среди «проклятых вопросов» — главный: «Откуда к нам придут теперь лучшие люди?» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 169]. И снова: «*Калика Иванище* есть середина, полуобразование. Калика

⁹ Ф.М. Достоевский мог прочесть эти былины в сборниках П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 422. Примечания]).

Иванище ученый, литератор, — он пишет о чем угодно. (О Христе, заплакал, как пример решений.)» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 168].

«Слышал и о старушонке» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 169] — эта запись стоит в одном ряду с мыслями о войне и европейских делах, о спиритизме и одеждах священников, о коммунизме и Церкви атеистов, о православии, русском народе и, конечно, о Христе. Здесь опять повторяется неотвязная запись «О Калике Иванище»: «Иванище теперь решает, а прежде решали лучшие люди. Да так и есть, и за ними всегда окончательное слово, но Иванище многого не понимает, оттого много смуты» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 169]. И еще раз: «12) Война. 13) Старушка. Иванище ли это говорил или Илья» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 169].

«Старушка» как тема мартовского выпуска «Дневника писателя за 1876 год» — в перечне тем «Церковь атеистов», «Православие», «Бисмарк», «Война» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 171] — прочно утвердилась на страницах рабочей тетради, рядом с *Иванище*, которых уже много, они нарицательные: «Иванищи-то, кажется, и управляют, а не Ильи Муромцы» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 172].

Совершенно очевидно, что замах на сюжет «Старушка», в самом что ни на есть серьезном окружении ключевых для писателя тем, далеко выходил за рамки чего-то легкого или пустяшного. Запись «Старушка», повторенная в течение одной недели *восемь раз*, соседствовавшая и переплетавшаяся в рабочей тетради с богатырем Ильей Муромцем и каликой перехожим Иванищем, доказывала, что автору виделся не бытовой образ, а почти что сказочный¹⁰. Писателя занимала интереснейшая творческая задача — поместить свои «проклятые вопросы» под крышу «прехорошенькой картинки» — так, чтобы их союз увлек взыскательного книгочеля, жаждущего интеллектуальных открытий и эмоциональных переживаний.

¹⁰ Спустя девять лет после выхода «Дневника писателя» за 1876 год, в марте 1885 года, цензурные органы рассматривали рассказ «Столетняя» (в числе других художественных произведений из «Дневника писателя») на предмет допущения его в библиотеки средних учебных заведений. «Тут все мягко, задушевно, гуманно», — отмечал цензор, при этом называя рассказ «этюдом мещанской сцены», который вряд ли будет занимателен «в среде людей простого быта» (см.: [Волгин, 1980, с. 194]). О читательском успехе «Дневника писателя» см.: [Фокин, 1996, с. 121–122].

Он почти ежедневно напоминал себе о «Старушке», чтобы не утерять заманчивый сюжет.

После 15 марта записи о «Старушке» уходят из рабочей тетради, чтобы появиться в качестве готового текста во втором параграфе первой главы мартовского выпуска «Дневника писателя».

VII

Первым делом автор рассказа дает старушке имя — Марья Максимовна, а правнучка будет сокращать это имя до «Максимовны». Получив имя, старушка превращается из безымянной бабушки, случайно встреченной на улице, в конкретную старушку, со своим прошлым и настоящим, в кругу своего семейства. Автор — творец истории про Марью Максимовну, она — его творение. «В библейском рассказе о сотворении мира наречение имени служит последним штрихом, которым Творец завершает Свое творение. С момента сотворения человека он тоже включается в этот процесс: “Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей” (Быт. 2, 19). Творец в определенном смысле слова уступает здесь человеку Свое право нарекать имя, приобщая его тем самым Своему творчеству и Своей власти над сотворенным миром» [Десницкий, 2014].

Почему Достоевский выбрал для старушки такое имя — Марья Максимовна? Понять несложно — имя прозрачно говорит о себе: Мария — самое главное женское имя в христианской традиции, а вместе с отчеством — это Мария, достигшая максимального (предельного?) возраста.

Автору нужно было понять: кто они, внучки́ (или внúчки) Марьи Максимовны? Он слегка усомнился, точно ли она идет к внучкам: «Внучки ее, а может, и правнучки, да уж так зовет их она заодно внучками» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77].

И в самом деле: если внучку Марье Максимовне родила ее дочь (при этом роженице вряд ли могло быть больше двадцати лет), а затем внучка (на момент рассказа ей было бы 84 года, и, по-видимому, ее уже нет в живых), тоже в возрасте не старше условных 20 лет, родила свою дочь (ей бы исполнилось условно 64 года), и значит, родила она своих детей, правнуков бабушке, им бы было около сорока лет. Есть и другой сценарий: бабушка в свои 20 лет родила сына, который

женился, допустим, лет в 45, и родил дочь, внучку бабушке, которой сейчас должно быть тоже за сорок.

Как видим, вряд ли старушка Марья Максимовна идет к внучке — получается, что к правнучке, у которой муж «человек нестарый, лет этак тридцати пяти» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77] и трое детей — старший мальчик Миша шести лети и две младших девочки, праправнуки бабушки. Самой правнучке не больше 26–27 лет.

Автор придумывает занятие для мужа правнучки, то есть для зятя Марьи Максимовны, а также определяет социальный статус семейства: они, «вероятно, какие-нибудь цеховые, семейные, <...> люди, конечно, бедные, но все же, может, питаются и наблюдают порядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77].

Наблюдать порядок — это значит жить слаженно и размеренно, сохранять семейные традиции, поддерживать мирный домашний уклад, самим готовить еду и обедать дома всем семейством, вести образ жизни добропорядочных простых людей.

VIII

Больше часа добиралась к своим Марья Максимовна, но добралась, не сбилась с дороги, не перепутала адрес, сама смогла позвонить в колокольчик.

«Ее и не ждали, но встретили, может быть, довольно приветливо.

— А вот и она, Марья Максимовна, входи, входи, милости просим, раба Божия!» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77].

То есть, рисуя «картинку», художнику важно, чтобы встреча была именно такой — радушной, с восклицанием «милости просим», хоть хозяева и не ждали гостью. Ему хочется, чтобы маленькие праправнуки, все трое, «мигом подбежали к прабабушке», потому что «обыкновенно такие уж слишком старенькие старушки всегда как-то очень сходятся с детьми: сами-то уж очень они похожи на детей становятся душевно, иногда даже точь-в-точь» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77].

Автору непременно нужно, чтобы в доме ощущался мир и покой, чтобы было ладно и душевно, чтобы присутствовали гости: прежде всего 17-летний племянник хозяина, по имени Сережа, сын его сестры. При этом юноша не бездельник и не шалопай какой-нибудь, а рабочий парень, «в типографию хочет определиться» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 77]. В доме оказался и еще один гость, знакомец хозяина; гость тоже приветствует бабушку, знает ее имя, помнит ее, шу-

Илл. 5. Иллюстрация Я. Турлыгина к рассказу Ф.М. Достоевского «Столетняя»
(место хранения: Государственный музей истории российской литературы
имени В.И. Даля)

Fig. 5. Illustration by Y. Turglygin for Dostoevsky's story "A Hundred-Year-Old Woman"

тит с ней, и довольная бабушка добродушно смеется. Видно, что она хорошо осведомлена о повседневной жизни своих родственников, спрашивает про новое пальто для племянника, которое тот носит и не нарадуется, на обновку не насмотрится.

Марья Максимовна успевает сказать два слова о встрече с молодой барынькой и подаренном ею пяточке: бабушка не потратила его на себя, а сберегла для детей на прянички. Но... Она никак не может перевести дух после долгого пути по городу, задыхается и замолкает...

Первым замечает неладное хозяин, по профессии цирюльник, по отчеству Макарыч (Макар в переводе с греческого — «блаженный», «счастливый»): он видит, как вдруг побледнело и осунулось лицо бабушки, как побелели ее губы, как тускло она теперь оглядывала своих. Потом «глаза остановились, улыбка застыла на губах; смотрит прямо, а как будто уж и не видит» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 78].

За попом посылать было поздно. Картина полного истощения жизни Марьи Максимовны, которая за свой последний час семь раз произнесла слово «устала», при всей приличествующей к случаю печали, — эта картина возвышенна и поучительна: «бабушка неподвижна, только голова клонится набок; в правой руке, что на столе лежит, держит свой пяточок, а левая так и осталась на плече старшего правнучка Миши» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 79]. Мальчик «стоит не шелохнется и большими удивленными глазами разглядывает прабабушку».

«— Отошла! — мерно и важно произносит, восклонившись, хозяин и слегка крестится» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 79].

Так вот, значит, зачем теплым мартовским днем вышла бабушка из дому и отправилась в гости к родным, вот зачем больше часу шла, останавливаясь каждые пять минут, зачем всё твердила «дойду» и «дойду», будто это была задача всей ее жизни. Она, решил автор, почувствовала, что жизнь подошла к последней черте и надо наилучшим образом распорядиться остатком своих сил. Она сознательно выбрала первый теплый день марта, сознательно пошла пешком, чтобы попрощаться с солнцем, с первым весенним теплом, с городом, в котором, быть может, прожила всю свою жизнь, и который, наверное, любила.

Случайная встреча с молодой заботливой барынькой одарила приятным впечатлением, и бабушка сказала ей, что идет «пообедать». Мы не знаем, удалось ли это реальной бабушке. Но в воображении автора «картинки» обеда не случилось. Марья Максимовна пришла к правнукам, чтобы возле них окончить свои дни, ибо умирать в одиночестве тяжелее, чем одиноко жить, а на миру и смерть красна. Теперь ее тайная надежда, что правнуки проводят ее в последний путь и похоронят, как подобает добрым христианам, стала осязаемой.

Автор рисовал личность духовно мощную, с высоким уровнем сознания, поистине былинную бабушку, которая в свои сто четыре года сумела трезво оценить свой физический ресурс и отойти в мир иной «без болезни и непостыдно» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 79].

Размышляя о рассказе «Столетняя» как об «очень правдоподобной маленькой картинке», современные исследователи справедливо утверждают: «Главное в ней — тот свет любви и добра, который теплым лучиком светится в глазах старушки и не исчез с ее смертью, оставшись в памяти внуков» [Поддубная, 1991, с. 192]; «В целом

образ столетней являет собой живые мощи, он светел и радостен, полон “душевной жизни”. Ее “доброта” и “веселие сердца”, искреннее влечение к общению побуждают к ответной отзывчивости» [Борисова, 2008, с. 181]¹¹.

Вот ключевой диалог между внучкой (правнучкой) и ее мужем.

«Как же теперь быть-то, Макарыч? *Туда*, что ль, ее? — щебечет хозяйка торопливо и вся растерявшись.

— Куда *туда*? — степенно откликается хозяин, — сами здесь справим; родная ты ей аль нет? А пойтить дать знать надо» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 79] (курсив мой. — Л.С.).

Туда — это не к людям, это к месту, откуда старушка пришла; видимо, «там» нет никого «своих». *Туда* (скорее всего это богадельня) и пойдет хозяин, чтобы дать знать о кончине старушки. Хозяин, по отчеству Макарыч, самая важная здесь фигура, и автор любит его, словно хочет показать, как прекрасны бывают обыкновенные простые люди в своем безупречном нравственном чувстве.

Автор понимает, что по старушке никто плакать не будет, потому что по таким не плачут, не сокрушаются, а только удивляются и умиляются — ведь Марья Максимовна пришла сама, чтобы, истощив по дороге остаток жизненных сил, умереть в окружении близких. Наверное, о такой бабушке действительно не очень помнят, но автор домысленного рассказа сделал все, чтобы старушку Марью Максимовну запомнили ее правнуки, их маленькие дети, а также гости и соседи, позванные на подмогу, и «те прибежали мигом, почти с удовольствием выслушав весть, охая и вскрикивая» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 79].

И вот уже 149 лет легендарную старушку Марью Максимовну вспоминают читатели «Дневника писателя».

Список литературы

1. Аксаков, 1860 — Аксаков К.С. О современном человеке. URL: [https://litbit.ru/ru/aksakov-konstantin/o-sovremennom-cheloveke_\(дата обращения 12.01.2025\)](https://litbit.ru/ru/aksakov-konstantin/o-sovremennom-cheloveke_(дата обращения 12.01.2025)).
2. Борисова, 2008 — Борисова В.В. Столетняя // Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. СПб.: ИРЛИ РАН, 2008. Т. 2. С. 179–181.
3. Бахтияров, 2023 — Бахтияров А. Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. М.: Центрполиграф, 2023. 383 с.
4. Волгин, 1980 — Волгин И.Л. Достоевский и правительственная политика в области

¹¹ Об образе старушки в рассказе «Столетняя» см. также: [Капустина, 2022, с. 390–398].

просвещения (1881–1917) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Вып. 4. С. 192–206.

5. Гроссман, 1922 — *Гроссман Л.П.* Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии. М.: Гос. изд-во, Петроград: Гос. трест «Петропечатъ» (тип. Пропандист). 1922. 118 с.

6. Десницкий, 2014 — *Десницкий А.С.* Почему в Библии такое значение придается именам? // Сорок вопросов о Библии. М.: Даръ, 2014. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/23#source (дата обращения 07.03.2025).

7. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

8. Капустина, 2022 — *Капустина С.В.* Изучение очерка Ф.М. Достоевского «Столетняя» в школе // Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк: Кемеровский гос. ун-тет, 2022. Вып. XIII. С. 390–398.

9. Книга былин, 1893 — *Книга былин: Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии* / сост. А.П. Авенариус. 4-е изд. М.: Изд-во А.Д. Ступина, 1893. 320 с.

10. Набоков, 1997 — *Набоков В.В.* О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958 года) // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гум. ин-та, 1997. С. 82–89.

11. Николаев, 2020 — *Николаев Д.Д.* Старость как функция: образы стариков в прозе молодого Бунина // Старость как сюжет: статьи и материалы / ред. С.А. Васильева, С.В. Денисенко, А.Ю. Сорочан. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 212–225.

12. Поддубная, 1991 — *Поддубная Р.Н.* «Действительность идеала» в малой прозе «Дневника писателя» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 183–198.

13. Пушкин, 1936 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. С.М. Бонди, И.К. Луппола, Ю.Г. Оскмана, Б.В. Томашевского. 4-е изд. М.: ГИХЛ, 1936.

14. Толстой, 1928–1958 — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

15. Фокин, 1996 — *Фокин П.Е.* К вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876–1877 гг. (Историко-литературный аспект) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Вып. 13. С. 120–130.

Интернет-ресурсы

1. Женщина после 50, 2024 — Женщина после 50. Когда начинается старость? Какой возраст считается «старым» в странах мира? // dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/Zj3KqeBJzksw-xzn> (дата обращения 17.01.2025).

2. Кириллица, 2019 — «Классические старики»: каков был реальный возраст некоторых персонажей классической литературы // Кириллица. URL: <https://cyrillitsa.ru/past/95908-klassicheskie-stariki-kakov-byl-real.html> (дата обращения 17.01.2025).

References

1. Aksakov, K.S. "O sovremennom cheloveke" ["About the Contemporary Man"]. Available at: <https://litbit.ru/ru/aksakov-konstantin/o-sovremennom-cheloveke> (Accessed 12 Jan. 2025). (In Russ.)
2. Borisova, V.V. "Stoletniaia" ["A Hundred-Years-Old Woman"]. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty. Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky. Works, Letters, Documents. A Dictionary-Handbook], vol. 2. St. Petersburg, IRLI RAN Publ., 2008, pp. 179–181. (In Russ.)
3. Bakhtiarov, A. *Briukho Peterburga. Ocherki stolichnoi zhizni* [The Belly of Petersburg. Essays about the Life in the Capital]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2023. 383 p. (In Russ.)
4. Volgin, I.L. "Dostoevskii i pravitel'stvennaia politika v oblasti prosveshcheniia (1881–1917)" ["Dostoevsky and the Governmental Politics in the Field of Education (1881–1917)"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Research], vol. 4. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 192–206. (In Russ.)
5. Grossman, L.P. *Seminarii po Dostoevskomu: Materialy, bibliografiia i kommentarii* [Dostoevsky Seminarium. Materials, Bibliography and Commentaries]. Moscow, Gos. Izdatel'stvo Publ.; Petrograd, Gos. trest "Petropechat" Publ., 1922. 118 p. (In Russ.)
6. Desnitskii, A.S. "Sorok voprosov Biblii. Pochemu v Biblii takoe znachenie pridaetsia ime-nam?" ["Forty Questions to the Bible. Why in the Bible Names Are So Important?"]. *Azbyka.ru*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnitskii/sorok-voprosov-o-biblii/23#source (Accessed 07 March 2025). (In Russ.)
7. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Kapustina, S.V. "Izuchenie ocherka F.M. Dostoevskogo 'Stoletniaia' v shkole" ["Studying Dostoevsky's Essay 'A Hundred-Years-Old Woman' at School"]. *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Work of Fyodor Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretations], no. XIII. Novokuznetsk, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2022, pp. 390–398. (In Russ.)
9. *Kniga bylin: Svod izbrannykh obrazstv russkoi narodnoi epicheskoi poezii* [A Book of Bylinas. Selected Examples of Russian Folk Epic Poetry]. Compiled by A.P. Avenarius. 4th Edition. Moscow, Izdatel'stvo A.D. Stupina Publ., 1893. 320 p. (In Russ.)
10. Nabokov, V.V. "O knige, ozaglavlennoi 'Lolita' (Posleslovie k amerikanskomu izdaniui 1958 goda)" ["About the Book Titled *Lolita* (Postface to the 1958 American Edition)"]. V.V. Nabokov: PRO ET CONTRA. *Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiiia* [V.V. Nabokov: PRO ET CONTRA. The Personality and Work of Vladimir Nabokov as Assessed by Russian and Foreign Thinkers and Scholars. An Anthology]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1997, pp 82–89. (In Russ.)
11. Nikolaev, D.D. "Starost' kak funktsiia: obrazy starikov v proze mladogo Bunina" ["The Old Age as a Function: The Characters of Old People in the Prose Works of the Young Bunin"]. Vasil'eva, S.A., Denisenko, S.V., and A.Yu. Sorochan, editors. *Starost' kak syuzhet: stat'i i materialy* [Old Age as a Plot: Research Papers and Materials]. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2020, pp. 212–225. (In Russ.)
12. Poddubnaia, R.N. "Deistvitel'nost' ideala' v maloi proze 'Dnevnik pisatel'ia'" ["The Real-

ity of an Ideal' in the Short Prose Works of *The Diary of a Writer*"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Research], vol. 9. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 183–198. (In Russ.)

13. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Complete Works: in 6 vols]. 4th Edition. Ed. by S.M. Bondi, I.K. Luppola, Yu. G. Oksman, B.V. Tomasheskii. Moscow, GIHL Publ., 1936. (In Russ.)

14. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)

15. Fokin, P.E. “K voprosu o genezise ‘Dnevnika pisatel’ia’ za 1876–1877 gg. (Istoriko-literaturnyi aspekt)” [“The Problem of the Genesis of the *Diary of a Writer*, 1876–1877 (From the Point of View of the History of Literature)”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Research], vol. 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 121–131. (In Russ.)

Reference list of internet sources:

1. “Zhenshchina posle 50. Kogda nachinaetsia starost’? Kakoi vozrast schitaetsia ‘starym’ v stranakh mira?” [“Women after 50. When Does the Old Age Begin? What Age Is Considered ‘Old’ in Various Countries?”]. *Dzen.ru*. Available at: <https://dzen.ru/a/Zj3KqeBJzksu-xzn> (Accessed 17 Jan. 2025). (In Russ.)

2. “Kirillitsa. ‘Klassicheskie stariki’: kakov byl real’nyi vozrast nekotorykh personazhei klassicheskoi literatury” [“The Cyrillic Alphabet. ‘Classical Old People’: What Was the Real Age of Some of the Characters of Classical Literature”]. *Woman.rambler.ru*. Available at: https://woman.rambler.ru/other/42494157/utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Accessed 17 Jan. 2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.03.2025

Одобрена после рецензирования: 22.04.2025

Дата публикации: 25.09.2025

The article was submitted: 22 Mar. 2025

Approved after reviewing: 22 Apr. 2025

Date of publication: 25 Sept. 2025